

ВПЕЧАТЛЕНИЯ, ОБЗОР

КНИГИ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ТЕАТРАЛЬНОГО РОМАНА

«Моим стихам, как драгоценным винам, настанет свой черед...» — напорошила когда-то Цветаева, конечно же, не подзревая, что этими строками юношеского своего стихотворения в какой-то мере предсказывает судьбу целого ряда русских писателей, по тем или иным причинам разминувшимся со своей славой при жизни. Долгое время мы мало о них знали — сегодня восполняем этот пробел, понимая наконец, что без осознания собственного духовного наследия во всей его полноте и всем многообразии не сможем двигаться, развиваться дальше.

Среди тех писателей, чье творчество и биография переживают в наши дни свое второе рождение, особое место принадлежит Михаилу Афанасьевичу Булгакову. Рукописи действительно не горят — в этом убедила нас судьба сочинений самого Булгакова. А спектакли, поставленные и не поставленные по его пьесам? Замыслы, надежды, горести и треволения, составлявшие его будни и определявшие художественное и человеческое кредо, — неужели они исчезают, тонут во времени бесследно? Оказывается, нет. Продолжается и их жизнь — в новом времени, в новых книгах.

Анатолий Смелянский назвал свою недавно вышедшую в свет книгу «Михаил Булгаков в Художественном театре». Скромное название обманчиво, содержание этой работы шире. Оно не только захватывает несколько исторических эпох (от дореволюционной — чего стоит одно лишь описание киевского «карнавала» тех лет, политического и театрального! — до советской предвоенной), но и дает емкий, художественно выразительный портрет писателя и его творчества, в том числе и прозаического, прослеживает биографию духа Мастера. Судьба писателя встает за страницами этой книги, а не просто обстоятельства его жизни и смерти. Судьба писателя, которая трагически и нерасторжимо переплелась с судьбой театра, — тоже единственного, особенно дорогого для русской культуры.

Появившаяся в последнее время литература о театре много нового сказала нам об истории МХАТа советского периода.

Книга Смелянского привносит здесь свое: невозможно без волнения и жадного любопытства читать те ее страницы, что посвящены сложному периоду адаптации Художественного к новым, революционным условиям жизни, поискам театром новых авторов и новых средств выражения, нервной полемике с рапповцами и «левыми», наконец, описания как бы заново пережитых Булгаковым релетидий его «Мольера» в доме в Леонтьевском переулке, последней режиссерской работы Станиславского в созданном им театре.

Но перед нами не одна только свежесть исторического

факта, вчера малоизвестного, не одна притягательность документов эпохи: автор смело — и в высшей степени доказательно — выстраивает собственную концепцию развития Художественного театра той особенно трудной его поры, в контрапункте имен, событий, творческих и нетворческих сшибок, не упуская из виду главного — неудержимую тягу всего самого передового и настоящего во МХАТе к правде жизни, правде человека переломного времени, переплавленной в драматическое произведение, то есть к тому, с чем и пришел в театр Булгаков. Хотя союз автора с театром и был часто мучительным для писателя, реализовался далеко не полностью — и об этом тоже сказано в книге честно и откровенно.

Так уж получается, что продлить жизнь спектакля — долго, может быть, даже навсегда — способна на театре одна лишь критика. Не знаю, как для других, но для меня, например, «Три сестры» Немировича-Данченко в описании Инны Соловьевой, арбузовская «Таня» с Бабановой, увиденная Майей Туровской, живее и ярче многих современных постановок, отсмотренных вчера и сегодня. А если пьеса — скажем, «Бег» — так и не была поставлена? Прочитайте главу «Восемь снов», и вы воочию увидите удивительный спектакль, созданный одним лишь знанием и воображением критика, или, как правильнее сказать в данном случае, театрального писателя.

Книга «Михаил Булгаков в Художественном театре» не только проливает свет на интереснейшие и несправедливо забытые страницы театральной истории. Она живо, многими своими гранями перекликается с современной сценической жизнью. Иначе, очевидно, и не могло быть. Ведь ее автор не работает исключительно в одних лишь архивах и библиотеках, он активнейшим образом участвует сегодня в долгожданной перестройке нашего театрального дела. Идет эта перестройка пока что куда медленнее и труднее, чем хотелось бы, но есть то, что позволяет все же надеяться на успех. Это, помимо всего остального, еще и пример жизни советского писателя Михаила Булгакова в искусстве, также и театральном. Пример верности большого художника самому себе, раз и навсегда обретенным идеалам, когда на все каверзы судьбы он мог с чистой совестью отвечать: «Но я стиснул зубы и работаю днями и ночами».

...Театральный роман, раз начавшись, не кончается уже никогда. Лучшее подтверждение тому — судьба самого Булгакова. Время выводит на авансцену новых героев, вписывает в этот роман все новые и новые страницы — одна другой увлекательнее и загадочнее. Важно только захотеть и суметь их прочесть, как сделал это автор книги о Булгакове, Художественном театре и их театральной эпохе.

* А. Смелянский. Михаил Булгаков в Художественном театре. М., «Искусство», 1986.